

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

КЛУБ ДЮМА,
или ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

Каждый получает такого дьявола,
какого заслуживает.

Артуро Перес-Реверте

Оглавление

[Глава 1. «Анжуйское вино»](#)

[Глава 2. Рука покойника](#)

[Глава 3. Люди в сутанах и люди со шпагами](#)

[Глава 4. Человек со шрамом](#)

[Глава 5. Remember](#)

[Глава 6. Об апокрифах и инфильтратах](#)

[Глава 7. Номер Один и номер Два](#)

[Глава 8. Postuma nescat](#)

[Глава 9. Букинист с улицы Бонапарта](#)

[Глава 10. Номер Три](#)

[Глава 11. Набережные Сены](#)

[Глава 12. Бекингэм и миледи](#)

[Глава 13. Интрига завязывается](#)

[Глава 14. Подвалы Менга](#)

[Глава 15. Корсо и Ришелье](#)

[Глава 16. Возвращение к готическому роману](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ
АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Приключения капитана Алатристе

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

Кожа для барабана

Фламандская доска

Краткая история Испании

Учитель фехтования

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

Тень гильотины, или Добрые люди

Осада, или Шахматы со смертью

Клуб Дюма, или Тень Ришелье

Королева Юга

На линии огня

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

КЛУБ ДЮМА,
или ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

Издательство «Иностранка»
Москва

Arturo Pérez-Reverte
EL CLUB DUMAS
Copyright © 1993 by Arturo Pérez-Reverte
All rights reserved

Иллюстрации в тексте © Христо Хаджитанев, 2022
Перевод с испанского Натальи Богомоловой
Оформление обложки Егора Саламашенко
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Перес-Реверте А.
Клуб Дюма, или Тень Ришелье : роман / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп.
Н. Богомоловой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — ил. —
(Большой роман).

ISBN 978-5-389-21576-4

16+

Варо Борха, обладатель крупнейшей в Испании коллекции книжных редкостей, нанимает Лукаса Корсо, опытного букиниста и охотника за уникальными книгами, чтобы установить подлинность приобретенного им экземпляра книги, некогда преданной огню инквизицией вместе с ее издателем и сохранившейся лишь в трех экземплярах. Заодно с этим Корсо предстоит проверить на подлинность рукопись одной из глав «Трех мушкетеров». Задача поставлена непростая. Осложняется она тем, что в ходе ее выполнения смерть преследует Лукаса по пятам, но до времени уносит с собой лишь тех, с кем он имеет дело. Что это? Случайное совпадение? Или демоны из книги о том, как из мрака вызывать Люцифера, действительно выходят из адских врат?

По мотивам романа был снят знаменитый фильм Романа Полански «Девятые врата» (1999), главную роль в котором исполнил Джонни Депп.

© Н. А. Богомолова, перевод, 2001
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство ИНОСТРАНКА®

Кáле, которая вдохновила меня на этот бой

Сверкнула вспышка, и на стену упала тень повешенного. Он висел в самом центре гостиной, на крюке от люстры, и по мере того как фотограф, кружа по комнате, делал снимки, тень перескакивала с картин на фарфор в застекленных витринах, с книжных полок на полураздвинутые портьеры. За огромными окнами лил дождь.

Молодой судебный следователь с еще не просохшими взъерошенными волосами, не сняв мокрого плаща, диктовал секретарю протокол осмотра. Тот печатал, сидя на диване и пристроив портативную машинку на стул. Стук клавиш крепкими стежками прошивал и монотонный голос следователя, и тихие комментарии полицейских, сновавших по гостиной.

— ...Пижама, сверху — халат. Пояс от халата явился орудием удушения. Руки трупа связаны спереди галстуком. На левой ноге тапка, правая — босая...

Следователь дотронулся до обутой ноги покойника, и тело, чуть колыхнувшись, начало медленно поворачиваться на туго натянутом шелковом шнуре слева направо, потом в обратную сторону, уже быстрее, пока не застыло в прежнем положении, — так магнитная стрелка, немного пометавшись, опять и опять упрямо указывает на север. Следователь отошел от покойника и при этом постарался не задеть полицейского в форме, который искал на полу отпечатки пальцев. Прямо под повешенным валялись осколки разбитой вазы и лежала книга, открытая на странице с жирными красными пометками. Это был старый том «Виконта де Бражелона» — дешевое издание в матерчатом переплете. Заглянув через плечо агента, следователь сумел прочесть отчеркнутые строки:

— О, я предан! Известно все, решительно все!

— Все в конце концов делается известным, — заметил Портос, который,

в сущности, ничего не знал.

Следователь велел секретарю занести эту деталь в протокол, а книгу включить в опись вещественных доказательств, затем направился к высокому мужчине, который курил у открытого окна.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил он, пристраиваясь рядом.

Высокий был одет в кожаную куртку с полицейским значком на кармане. Он докурил сигарету, потом через плечо, не оглядываясь, швырнул окурок в окно и только тогда ответил:

— Когда бутылка содержит нечто белое, легко предположить, что там молоко. — Фраза прозвучала несколько загадочно, но по ответной улыбке следователя можно было судить, что для него тут никакой загадки нет. В отличие от полицейского он стоял к окну лицом и смотрел на улицу, где продолжал лупить дождь. Кто-то открыл дверь в противоположном конце комнаты, и в лицо следователю вместе с порывом ветра полетели крупные капли.

— Эй, дверь закрывайте! — крикнул он, не глянув назад. Потом обратился к полицейскому: — Ведь бывает, что преступники маскируют убийства под самоубийства.

— И наоборот, — спокойно заметил высокий.

— Ну а руки? Зачем понадобилось связывать их галстуком?

— Самоубийцы порой боятся, что в последний миг им не хватит решимости довести дело до конца... Убийца связал бы ему руки за спиной.

— Но ведь это бессмысленно, — возразил следователь. — Взгляните, какой тонкий и прочный пояс. После того как несчастный потерял опору, у него не было шансов на спасение — руки ему не помогли бы.

— Кто знает? Подождем вскрытия.

Следователь еще раз посмотрел на труп. Агент, искавший отпечатки пальцев, поднялся с пола с книгой в руках.

— Любопытная страница.

Высокий пожал плечами.

— Я мало читаю, — сказал он. — Портос — это ведь один из этих... Как их? Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. — Он считал, загибая пальцы левой руки большим пальцем правой. Потом задумался и добавил: — Забавно... Я никогда не мог понять, почему книга называется «Три мушкетера», хотя на самом деле их было четверо.

Глава 1

«АНЖУЙСКОЕ ВИНО»

Читатель должен подготовиться к тому, что он станет свидетелем самых жестоких сцен.

Э. Сю. Парижские тайны

Меня зовут Борис Балкан. Когда-то я перевел «Пармскую обитель». Кроме того, я пишу статьи и рецензии, которые знает пол-Европы, читаю лекции о современной литературе на летних университетских курсах и являюсь автором нескольких книг о популярных романах XIX века. Боюсь, правда, что ничего особо выдающегося я пока сделать не успел. Ведь нынче настали совсем иные времена: самоубийства маскируют под убийства, романы пишет врач Роджер Экرويد, и всякий норовит опубликовать сотню-другую страниц с описанием захватывающих впечатлений, которые он испытал, разглядывая себя в зеркало.

Но не станем отвлекаться.

Я познакомился с Лукасом Корсо, когда он явился ко мне с «Анжуйским вином» под мышкой. Корсо был своего рода наемным солдатом у генералов-библиофилов, то есть промышлял охотой за книгами по заказам клиентов. Что требуется от человека, который занимается таким ремеслом? Он не должен быть слишком разборчивым в средствах, зато ему нужны хорошо подвешенный язык, быстрая реакция, терпение и, разумеется, большое везение — это в первую очередь. А также отличная память, чтобы вовремя сообразить, где, в каком пыльном закутке, в какой лавке старьевщика лежит томик, за который некто готов заплатить бешеные деньги. Корсо обслуживал узкий круг избранных клиентов: пару десятков букинистов из Милана, Парижа, Лондона, Барселоны и Лозанны — тех,

что берут в работу всего полсотни книг, не более. Их можно назвать аристократами букинистического мира, ибо они торгуют инкунабулами, антикварными экземплярами и понимают: если книга переплетена в пергамен, а не в телячью кожу и поля у нее на три сантиметра шире обычного, это может поднять цену на тысячи долларов. Они — шакалы в царстве Гутенберга; пираньи, кружащие вокруг ярмарок антиквариата; пиявки, присосавшиеся к аукционам. Они способны продать собственную мать — лишь бы заполучить экземпляр первого издания; правда, клиентов они принимают в гостиных с видом на Домский собор или Боденское озеро и сидят при этом на кожаных диванах. И еще: они никогда не пачкают рук и не пятнают совести. На то существуют такие типы, как Корсо, которые ничем не брезгуют. Тем они и полезны.

Корсо сдернул с плеча холщовую сумку и бросил на пол, к ногам, обутым в нечищенные английские ботинки; потом уставился на портрет Рафаэля Сабатини¹ — он стоит в рамке у меня на столе рядом с авторучкой, которой я правлю статьи и типографские гранки. Это мне сразу понравилось, потому что обычно посетители не балуют портрет вниманием: они принимают Сабатини за моего престарелого родственника. Краешком глаза я наблюдал за реакцией Корсо и заметил, как он ухмыльнулся, усаживаясь в кресло; гримаса получилась какой-то ребячливой; он стал похож на кролика из мультфильма, когда тот впервые показывается в конце улицы и сразу завоевывает безоговорочную любовь зрителей.

Со временем я узнал, что Корсо умеет улыбаться и совсем иначе — как жестокий, изголодавшийся волк. Вернее сказать, умеет выбирать маску, соответствующую обстоятельствам. Но, повторяю, это я узнал много позже. А в тот миг он произвел на меня впечатление человека искреннего, и я рискнул

подвергнуть его маленькому испытанию.

— «Он родился на свет с обостренным чувством смешного, — процитировал я, кивнув на портрет, — и врожденным ощущением того, что мир безумен...»²

Я увидел, как он неспешно и уверенно качнул головой, и во мне проснулась симпатия к нему, чувство, что нас роднит принадлежность к общему делу. Чувство это, несмотря на все, что случилось в дальнейшем, я сохранил и до сих пор. Корсо достал откуда-то сигарету без фильтра, такую же мятую, как его старый плащ и вельветовые брюки. Он вертел сигарету в пальцах и рассматривал меня сквозь очки в железной оправе, которые косо сидели у него на носу, — глядел из-под упавшей на лоб пряди уже чуть седоватых волос. Другую руку он по-прежнему держал в кармане, словно сжимал там рукоятку пистолета. Замечу, кстати, что карманы его напоминали бездонные ямы — чего там только не было! Книги, каталоги и документы, а еще — о чем я тоже узнал позднее — там непременно лежала фляжка с джином «Болс».

— «...И в этом заключалось все его достояние», — с ходу закончил он цитату, потом удобнее устроился в кресле и снова улыбнулся. — Хотя, если не кривить душой, мне больше нравится «Капитан Блад».

Я поднял вверх ручку, готовясь прочесть ему суровую отповедь.

— И тут вы не правы. «Скарамуш» для Сабатини — то же, что «Три мушкетера» для Дюма. — Я отвесил учтивый поклон в сторону портрета. — «Он родился на свет с обостренным чувством смешного...» За всю историю романов-фельетонов не было начальной фразы, равной этой.

— Что ж, спорить не стану, — согласился Корсо после паузы и тотчас выложил на стол папку с какой-то рукописью. Каждая ее страница помещалась в отдельном пластиковом конверте. — Знаете, а вы очень

кстати упомянули Дюма.

Он пододвинул папку ко мне, но прежде повернул так, чтобы я мог ознакомиться с ее содержимым. Все листы были исписаны по-французски и только с одной стороны; бумага была двух видов: белая, уже пожелтевшая от времени, и бледно-голубая в мелкую клеточку — тоже очень старая. Каждому виду бумаги соответствовал свой тип почерка. На голубой писали черными чернилами. И вот что интересно: теми же чернилами и тем же почерком была сделана правка на белой бумаге — поверх текста, написанного мелкими, вытянутыми вверх буквами. Всего в папке лежало пятнадцать страниц, из них одиннадцать — голубые.

— Занятно. — Я поднял глаза на Корсо. Тот терпеливо переводил взгляд с меня на папку и с папки на меня. — Откуда это у вас?

Он потер переносицу, явно прикидывая, до какой степени та информация, ради которой он ко мне явился, обязывает его быть откровенным. Потом скорчил новую гримасу — уже третий вариант — и стал похож на невинного и простодушного кролика. Да, Корсо, несомненно, был профессионалом.

— Да так... От клиента моего клиента.

— Понятно.

Он выжидательно помолчал. Ведь приметы хитрости — не только предусмотрительность и расчетливость, но и осторожность. Мы оба отлично это знали.

— Разумеется, — добавил он, — я готов, если вам будет угодно, назвать имена.

Я заверил его, что нужды в том нет, и он сразу успокоился, поправил очки и спросил мое мнение о манускрипте. Я не спешил с ответом и принялся перелистывать страницы в обратном порядке — пока не дошел до первой. Название было выведено заглавными буквами, жирное: «Анжуйское вино».

Я прочел вслух первые строки:

Après de nouvelles presque désespérées du roi, le bruit de sa convalescence commençait à se répandre dans le camp...³

Я невольно улыбнулся. Корсо жестом показал, что хочет услышать мое суждение.

— Нет никаких сомнений, — сказал я. — Это рукопись Александра Дюма-отца. «Анжуйское вино», насколько могу припомнить, сорок какая-то глава «Трех мушкетеров».

— Сорок вторая, — подтвердил Корсо. — Сорок вторая глава.

— И это — оригинал? Подлинная рукопись Дюма?

— Ради этого я к вам и пришел — чтобы вы дали свое заключение.

Я пожал плечами, желая показать, что не готов взять на себя такую ответственность.

— А почему именно ко мне?

Это был глупый вопрос — из тех, что помогают тянуть время. Корсо, видно, подумал, будто я решил пококетничать. На лице его отразилось нетерпение.

— Вы ведь специалист, — буркнул он раздраженно. — Вы не только самый влиятельный в нашей стране литературный критик, вы всё знаете о романе-фельетоне XIX века.

— Вы забыли о Стендале.

— Не забыл. Я читал ваш перевод «Пармской обители».

— Надо же! Вы мне льстите.

— Боюсь, что нет. Мне больше нравится перевод Консуэло Бергес.

Мы обменялись улыбками. Он мне решительно нравился, и я уже начинал привыкать к его манерам.

— А книги мои вам знакомы?

— Только некоторые. «Люпен», «Раффлз», «Рокамболь», «Холмс»... Или, скажем, работы о Валье-Инклане, Барохе и Гальдосе⁴. Кроме того, «Дюма, или

След гиганта». Потом — ваше исследование, посвященное «Графу Монте-Кристо»...

— И вы все это прочитали?

— Нет. Я, конечно, работаю с книгами, но не обязан их читать.

Он лгал. Или, по крайней мере, сгущал краски. Он принадлежал к породе людей основательных и добросовестных: прежде чем нанести визит, разузнал обо мне все, что мог, полистал все мои работы, которые сумел добыть. Он был из числа тех запойных читателей, что с самого нежного детства алчно проглатывают любой печатный текст. Правда, я до сих пор считаю маловероятным, что хоть в какой-то период детство Корсо заслуживало названия «нежное».

— Понимаю, — сказал я, только чтобы не молчать.

Он наморщил лоб, соображая, не забыл ли чего, потом снял очки, подышал на стекла и протер их мятым платком, извлеченным из бездонных карманов плаща. Упомяну, кстати, что его не по размеру большой плащ, кроличьи зубы и миролюбивое выражение лица создавали обманчивое впечатление слабости и безволия. На самом деле Корсо был крепок и упрям, как кирпич. Черты лица у него были тонкими и резкими, словно оно состояло из острых углов, а глаза смотрели очень внимательно, хотя начинали лучиться простодушием, как только Корсо угадывал, что собеседника можно подсечь именно на простодушии. Порой он выглядел даже неуклюжим и вялым — особенно когда позволял себе расслабиться. Есть такие беспомощные и бесприютные на вид существа: знакомые угощают их куревом, официанты наливают лишнюю рюмку, женщины горят желанием немедленно взять их под опеку. До окружающих слишком поздно доходит, что их одурачили. А лицемер уже во весь опор скачет прочь, добавив на рукоять своего кинжала новые победные зарубки.

— Вернемся к Дюма, — предложил Корсо, показывая на рукопись. — Человек, написавший про него пятьсот страниц, должен с ходу почувствовать знакомую ауру — такую способен источать только подлинник. Довольно прикоснуться к страницам... Не так ли?

Я положил руку на покрытые пластиком листы — жестом священника, касающегося церковных реликвий.

— Боюсь разочаровать вас, но я абсолютно ничего не чувствую.

Мы дружно расхохотались. Корсо смеялся особенно — сквозь зубы, как человек, не вполне уверенный в том, что они с собеседником смеются над одним и тем же. Иначе говоря, то был злой и холодный смех, даже чуть нагловатый: он надолго зависает в воздухе и рассеивается нередко лишь после того, как смеявшийся покинул комнату.

— Давайте по порядку, — сказал я. — Рукопись принадлежит вам?

— Повторяю, нет. Один мой клиент только что приобрел ее, и его мучает вопрос: как могло случиться, что до сей поры никто не слышал о существовании полного рукописного оригинала этой главы «Трех мушкетеров»? Он желает получить формальное подтверждение подлинности... И поручил это дело мне.

— Знаете, меня удивляет, что вы занялись такой мелочью. — Тут я должен добавить: я тоже кое-что знал о Корсо. — Откровенно говоря, Дюма в нынешние времена...

Я не договорил и горько улыбнулся, приглашая его разделить мои чувства, но Корсо мне подыгрывать не стал и продолжал гнуть свое.

— Этот клиент — мой друг, — пояснил он спокойно. — Я хочу оказать ему личную услугу.

— Понимаю, но не уверен, что смогу быть вам полезен. Я видел рукописи Дюма, и эта вполне похожа на подлинную, но дать официальное экспертное

заклучение — дело иное. Тут нужен хороший графолог... Готов порекомендовать одного такого, он живет в Париже: Ашиль Репленже, владелец книжной лавки, где продают автографы и исторические документы. Лавка расположена неподалеку от Сен-Жермен-де-Пре. Он отлично знает французскую историю XIX века, к тому же очаровательный человек и мой добрый приятель. — Я указал на стену, где в рамке висел некий документ: — Вот это письмо Бальзака я купил у него несколько лет назад. Естественно, за огромные деньги.

Я взял в руки записную книжку, чтобы найти нужный адрес, и протянул Корсо визитную карточку. Он спрятал ее в выдавший виды, плотно набитый бумажник, потом вытащил из кармана плаща блокнот и карандаш с ластиком на конце. Ластик был обкусан совсем как у школьника.

— Я могу задать вам несколько вопросов?

— Разумеется.

— Вы знали о существовании полной рукописи хоть одной из глав «Трех мушкетеров»?

Прежде чем ответить, я покачал головой, потом снял колпачок с ручки «Монблан» и опять надел его.

— Нет. Роман печатался частями в «Сьекль» с марта по июнь 1844 года... Как только наборщик заканчивал работу, рукописный вариант отправляли в мусорную корзину. И все же кое-какие фрагменты уцелели. Сведения о них вы можете найти в Приложении к изданию Гарнье⁵ 1968 года.

— Четыре месяца — срок небольшой. — Корсо задумчиво грыз кончик карандаша. — Дюма писал быстро.

— В ту пору все писали быстро. Стендаль управился с «Пармской обителью» за семь недель. К тому же у Дюма были помощники — «негры», на профессиональном жаргоне. Того, кто работал с ним над «Тремя

мушкетерами», звали Огюст Маке... Сотрудничество продолжалось и позже: «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»... А также «Граф Монте-Кристо» и еще несколько романов... Их-то вы, конечно, читали.

— Конечно. Кто их не читал!

— Следует уточнить: ваше «Кто их не читал!» относится ко временам минувшим. — Я почтительно полистал рукопись. — Та эпоха, когда подпись Дюма множила тиражи и обогащала издателей, канула в Лету. Почти все его романы печатались именно так — частями, и внизу последней страницы значилось: «Продолжение в следующем номере». А публика умирала от нетерпения, ожидая новую главу... Но зачем я это рассказываю? Вы же сами все знаете.

— Не важно. Продолжайте.

— Что еще добавить? Причина успеха традиционного романа с продолжением, иначе говоря — романа-фельетона, проста: герой или героиня обладают такими достоинствами и чертами характера, которые заставляют читателя отождествлять себя с литературным персонажем... Сегодня по тому же принципу строятся телесериалы. Но вообразите, какой эффект в былые времена, когда не знали ни радио, ни телевидения, производили подобные сочинения на обывателей, жадных до неожиданностей и развлечений и весьма нетребовательных в том, что касается художественного качества или хорошего вкуса... Гениальный Дюма все это понял и с хитроумием алхимика сотворил некий лабораторный продукт: капля того, крупица другого — плюс его талант. В итоге получился наркотик, создававший своего рода зависимость. — Я не без гордости ткнул себя пальцем в грудь. — И продолжающий ее создавать...

Корсо что-то записывал. Позднее один его знакомый скажет о нем при случае: такой же обидчивый, непредсказуемый и смертоносный, как черная мамба. У

него была особая манера вести беседу — он глядел на тебя сквозь перекошенные очки и медленно кивал в знак согласия, хотя в кивках этих присутствовала и разумная доля здорового сомнения. В такие моменты он напоминал потаскуху, которая снисходительно украшает свой монолог сонетом во славу Купидона. Он словно давал тебе возможность — пока не поздно — внести коррективы в твои выводы.

Некоторое время спустя он прекратил писать и поднял голову.

— Но ведь вы занимались не только популярными романами. Известны и другие ваши работы... — он помедлил, подыскивая нужное слово, — на более серьезные темы. Ведь и сам Дюма называл свои произведения легкой литературой... Хотя, согласитесь, в таком определении сквозит явное пренебрежение к публике.

Подобный маневр отлично характеризовал моего гостя. Это был один из его коронных приемов — как валет в руках Рокамболя. Он вел игру исподтишка, внешне сохранял нейтралитет, а на самом деле постоянно устраивал изматывающие противника партизанские вылазки. Раздраженный человек может легко проговориться, начинает оправдываться, сыпать аргументами в свою пользу, а это — дополнительная информация. Наверное, именно поэтому — я ведь не вчера родился на свет и тактику Корсо прекрасно понимал — мне стало досадно.

— Вы повторяете избитые вещи, — бросил я, не скрывая раздражения. — Да, в этом жанре было написано много однодневок, но Дюма тут ни при чем... Для литературы время — как для кораблей шторм, и Господь спасает только тех, кого любит; попробуйте назвать других книжных героев, которые, подобно д'Артаньяну и его товарищам, целыми и невредимыми прошли сквозь годы. Разве что Шерлок Холмс Конан

Дойла... Да, цикл о мушкетерах, вне всякого сомнения, — «роман плаща и шпаги», легкое чтение; так что вы, естественно, обнаружите там все пороки жанра. Но есть и одно отличие: это великие авантурные романы, книги особого уровня, и потому обычные жанровые критерии к ним применять нельзя. Это рассказ о дружбе, о головокружительных приключениях, и он сохраняет свежесть, несмотря на то что вкусы с тех пор переменились, несмотря на то что нынче к действию как таковому стали относиться с глупейшим пренебрежением. Кажется, после Джойса мы должны смириться с Молли Блум и забыть о Навсикае — на берегу, после бури...⁶ Вам не доводилось читать мои заметки «Пятница, или Морской компас»?.. Короче, если вести речь об Улиссе, то я выбираю того, которого придумал Гомер.

Тут я чуть повысил голос, зорко следя за реакцией Корсо. Он едва заметно улыбался, но хранил молчание, не желая выдавать свои мысли. Но я-то помнил, какое выражение мелькнуло в его глазах, когда я процитировал «Скарамуша»: путь мною был выбран верный.

— Я понимаю, о чем вы, — наконец выдал он. — Ваша точка зрения, сеньор Балкан, хорошо известна, хотя и не бесспорна.

— Моя точка зрения известна, потому что я сам о том позаботился. А что касается пренебрежения к публике, как вы изволили выразиться, то вам, возможно, неведомо, что автор «Трех мушкетеров» во время революций 1830 и 1848 годов участвовал в уличных боях, а еще переправлял Гарибальди купленное на собственные деньги оружие... Не забывайте, отец Дюма был известным генералом Республики... И писатель не раз доказывал свою любовь к народу и свободе.

— Хотя с историческими фактами он обращался куда как вольно.

— А это разве так уж важно? Знаете, что он отвечал тем, кто говорил, будто он насилует Историю?.. «Я ее насилую, истинная правда. Но я делаю ей очаровательных детишек».

Я положил ручку на стол, поднялся и подошел к одному из книжных шкафов во всю стену моего кабинета. Открыл дверцу и вытащил том в переплете из темной кожи.

— Как и все великие рассказчики, Дюма был вралем. Графиня Даш², хорошо его знавшая, пишет в воспоминаниях, что стоило ему услышать какую-нибудь явно выдуманную историю, как он начинал выдавать небылицу за истинный факт... Возьмем кардинала Ришелье — он был величайшим человеком своего времени, но его облик, пройдя через ловкие руки Дюма, исказился до неузнаваемости, и нам предстала порочная личность с довольно гнусной и подлой физиономией... — Держа книгу в руках, я повернулся к Корсо. — Известно ли вам вот это? Книгу написал Гасьен де Куртиль де Сандра, мушкетер, живший в конце XVII века. Это мемуары д'Артаньяна, настоящего д'Артаньяна: Шарля де Батц-Кастельморе, графа д'Артаньяна. Он был гасконцем, родился в 1615 году, действительно был мушкетером, хотя жил не в эпоху Ришелье, а при Мазарини. Умер он в 1673-м во время осады Маастрихта — как раз в тот момент, когда должен был, как и его романый однофамилец, вот-вот получить маршальский жезл... Так что, согласитесь, насилуя Историю, Александр Дюма давал жизнь действительно очаровательным детишкам... Никому не известного гасконца из плоти и крови, чье имя История позабыла, гениальный писатель сумел превратить в героя великой легенды.

Корсо неподвижно сидел в кресле и слушал. Я протянул ему книгу, и он осторожно, однако с большим интересом полистал ее — медленно, едва касаясь

самого края страниц подушечками пальцев. Время от времени взгляд его задерживался на каком-нибудь имени или быстро пробежал целую главу. За стеклами очков глаза работали быстро и уверенно. Затем он вдруг отвлекся от книги, чтобы записать в блокнот: «Memoires de M. d'Artagnan, G. de Courtilz, 1704, P. Rouge, 4 тома 12°, 4-е изд.». Потом закрыл книгу и уставился на меня.

— Вы верно сказали: он был вралем.

— Да, — подтвердил я, возвращаясь на место и усаживаясь. — Но вралем гениальным. Где другие ограничились бы плагиатом, он выстроил целый мир, и мир этот стоит до сей поры... «Человек не крадет, он завоевывает, — любил повторять Дюма. — Каждую завоеванную провинцию он присоединяет к своей империи: навязывает ей свои законы, населяет темами и персонажами, распространяет там свое влияние...» В данном случае история Франции стала для него золотой жилой. Он проделал неслыханный трюк: почтительно сохранил раму и подменил саму картину — то есть без малейших колебаний разграбил открытую им сокровищницу... Главных действующих лиц Дюма превращает во второстепенных, скромных статистов — в героев первого плана, много страниц отдает описанию событий, которым в исторических хрониках посвящена пара строк... Никакого договора о дружбе д'Артаньян и его товарищи никогда не заключали — хотя бы потому, что друг друга не знали... Не было никакого графа де Ла Фер. Вернее, их было много, но ни один не носил имени Атос. Правда, Атос существовал, и звали его Арман де Силлек д'Атос, а умер он от раны, полученной на дуэли, еще до того, как д'Артаньян вступил в ряды королевских мушкетеров... Арамис — это Анри де Арамитц, дворянин, светский аббат в сенешальстве Олорон, зачисленный в 1640 году в мушкетерскую роту, которой командовал его дядя. В конце жизни он удалился в свои владения вместе с женой и четырьмя детьми. Что

касается Портоса...

— Вы хотите сказать, что был и некий Портос?

— Был. Звали его Исаак де Порто, и он не мог не знать Арамиса, или Арамитца, потому что стал мушкетером всего на три года позже, чем тот, — в 1643-м. Известно только, что умер он до срока, и, наверное, причиной тому стали болезнь, война или дуэль, как у Атоса.

Корсо слушал, постукивая пальцами по «Мемуарам д'Артаньяна», потом тряхнул головой и улыбнулся:

— Ну а теперь вы скажете, что существовала и некая миледи...

— Именно. Но звали ее вовсе не Анна де Бейль, и она не была леди Винтер. И на плече у нее не было никакой лилии, хотя агентом Ришелье она и в самом деле являлась. Да, некая графиня де Карлейль и вправду украдала на балу алмазные подвески у герцога Бекингэма. И не смотрите на меня так! Об этом рассказал в своих «Мемуарах» Ларошфуко⁸. А Ларошфуко слыл человеком очень серьезным и заслуживающим доверия.

Корсо глядел на меня во все глаза. Он был не из тех, кого можно легко чем-то поразить, особенно когда речь шла о книгах, но услышанное явно ошеломило его. Позднее, узнав Корсо лучше, я задумался: а было ли его тогдашнее изумление искренним, или он пустил в ход очередной профессиональный трюк, разыграл передо мной хитроумную комедию? Теперь, после того как все закончилось, у меня не осталось и тени сомнения: я был для Корсо источником информации, и он меня обрабатывал.

— Все это очень интересно, — сказал он.

— Если вы отправитесь в Париж, Репленже расскажет вам гораздо больше моего. — Я глянул на рукопись, все еще лежащую на столе. — Хотя я не уверен, что расходы на поездку оправдают себя... Сколько может стоить эта глава при нынешних ценах?

Он снова принялся грызть ластик на конце карандаша,

изображая скептицизм.

— Немного. На самом деле я туда поеду по другому делу.

Я грустно и понимающе улыбнулся. Ведь все, чем владею я сам, вся моя скудная собственность — «Дон Кихот» Ибарры⁹ и «фольксваген». Надо ли пояснять, что автомобиль обошелся мне дороже книги.

— Догадываюсь, о чем речь, — сказал я.

Корсо скорчил гримасу — что-то вроде кислого смирения, — и при этом стали видны его кроличьи зубы.

— Да, и так будет продолжаться до тех пор, пока Ван Гог и Пикассо не встанут у японцев поперек горла, — заметил он. — Тогда они начнут вкладывать деньги исключительно в редкие книги.

Я вспыхнул от негодования и откинулся на спинку стула:

— Спаси нас от такого Господь.

— Это ваша точка зрения, сеньор Балкан. — Он лукаво смотрел на меня сквозь перекошенные очки. — А вот я надеюсь на этом хорошо подзаработать.

Он сунул блокнот в карман плаща и поднялся, повесив холщовую сумку на плечо. И я еще раз подивился его показной беззащитности, его вечно сползающим на нос очкам. Потом я узнал, что он жил один, в окружении своих и чужих книг, и был не только наемным охотником за библиографическими редкостями. Еще он любил игры по моделированию Наполеоновских войн — мог, например, по памяти восстановить точный ход какой-нибудь битвы, случившейся накануне Ватерлоо. Была на его счету и какая-то любовная история, довольно странная, но подробности я узнал лишь много позже. И тут я хотел бы кое-что пояснить. По тому, как я описал Корсо, может сложиться впечатление, будто он безнадежно лишен каких-либо привлекательных черт. Но я, рассказывая всю эту историю, стремлюсь быть прежде всего честным и объективным, поэтому должен

признать: даже в самой нелепости его внешнего облика, именно в той неуклюжести, которая — уж не знаю, как он этого добивался, — могла быть разом злобной и беззащитной, наивной и агрессивной, крылось то, что женщины называют «обаянием», а мужчины — «симпатией». Да, он мог произвести благоприятное впечатление, но оно улетучивалось, стоило вам сунуть руку в карман и обнаружить, что кошелек-то и след простыл.

Корсо убрал рукопись в сумку, и я проводил его до дверей. В вестибюле он остановился, чтобы пожать мне руку. Здесь висели портреты Стендаля, Конрада и Валье-Инклана, а рядом — отвратительная литография, которую несколько месяцев назад жильцы нашего дома общим решением — при одном голосе «против» (моим, разумеется) — постановили для украшения повесить на стену.

И тут я рискнул задать ему вопрос:

— Честно признаюсь, меня мучает любопытство — а где все-таки отыскалась эта глава?

Он замер в нерешительности: вне всякого сомнения, прежде чем ответить, быстро взвешивал все «за» и «против». Но ведь я оказал ему самый любезный прием, и теперь он попал в разряд моих должников. К тому же я мог снова ему понадобиться, так что выбора у него не было.

— Вы знали некоего Тайллефера? Это у него мой клиент купил рукопись.

Я не сдержал возгласа изумления:

— Энрике Тайллефер?.. Издатель?

Взгляд Корсо рассеянно блуждал по вестибюлю. Наконец он мотнул головой — сверху вниз:

— Он самый.

Мы оба замолчали. Корсо пожал плечами, и мне было понятно почему. Объяснение легко было отыскать в любой газете, в разделе криминальной хроники: ровно

неделю назад Энрике Тайллефера нашли повесившимся в гостиной собственного дома на поясе от шелкового халата, а прямо под его ногами лежала открытая книга и валялись осколки фарфоровой вазы.

Много позже, когда история эта закончилась, Корсо согласился рассказать мне, как все развивалось дальше. Так что я теперь могу относительно точно восстановить даже те события, свидетелем которых не был, — цепочку обстоятельств, что привела к роковой развязке и раскрытию тайны Клуба Дюма. Благодаря позднейшим откровениям охотника за книгами я могу сыграть в этой истории роль доктора Ватсона и сообщить вам, что следующий акт драмы начался через час после нашей с Корсо встречи — в баре Макаровой.

Флавио Ла Понте стряхнул капли дождя с одежды, устроился у стойки рядом с Корсо и тотчас заказал рюмку каньи. Потом сердито, но не без тайного удовольствия глянул на улицу, словно ему только что пришлось пересечь открытую местность под прицельным огнем снайперов. Дождь лил с библейской неукротимостью.

— Так вот, коммерческие фирмы «Арменгол и сыновья», «Старые книги» и «Библиографические редкости» намерены подать на тебя в суд, — сказал он и погладил рыжую кудрявую бороду, потом вытер пивную пену вокруг рта. — Только что звонил их адвокат.

— В чем меня обвиняют? — спросил Корсо.

— В том, что ты обманул некую старушку и разграбил ее библиотеку. Они клянутся, что по поводу тех книг у них была с ней железная договоренность.

— Спать надо меньше...

— Я им сказал то же самое, но они рвут и мечут. Еще бы... Явились за своей долей, а «Персилес» и «Королевское право Кастильи»¹⁰ уже уплыли. К тому же ты научил ее, какие цены запросить за оставшиеся книги, — и цены сильно завысил. Теперь владелица

отказывается им хоть что-нибудь продать. Заламывает вдвое против того, что они предлагают... — Он глотнул пива и весело подмигнул Корсо. — Заклепать библиотеку — вот как называется эта красивая комбинация.

— Это ты мне будешь объяснять, как она называется? — Корсо зло ухмыльнулся, показав клыки. — А уж «Арменголу и сыновьям» это известно не хуже моего.

— Эх, жестокий ты человек, — бесстрастно припечатал Ла Понте. — Но больше всего им жаль «Королевского права». Они говорят, что ты нанес им удар ниже пояса.

— А я, разумеется, просто обязан был оставить книгу для них... И привязать к ней бантик! Как же! С латинской глоссой Диаса де Монтальво!..¹¹ На книге нет типографской марки, но напечатана она точно в Севилье, у Алонсо дель Пуэрто, предположительно в 1482 году... — Он подправил очки указательным пальцем и глянул на приятеля. — Смекаешь?

— Я-то смекаю. А они почему-то очень нервничают.

— Пусть пьют липовый чай — помогает.

В такие вот предобеденные часы бар всегда бывал полон и посетители стояли у стойки плечом к плечу, стараясь не угодить локтем в лужицы пены. Шум голосов и клубы сигаретного дыма дополняли картину.

— И думается мне, — добавил Ла Понте, — что «Персилес»-то этот самый — первое издание. Переплетная мастерская Трауца-Бозонне, там их марка.

Корсо покачал головой:

— Нет, Харди. Сафьян.

— Показал бы? Но учти, я им поклялся, что ни сном ни духом о твоих делах не ведаю. Ты ведь знаешь: у меня аллергия на любые судебные разбирательства.

— А на свои тридцать процентов?

Ла Понте, словно защищая собственное достоинство, поднял руку:

— Стоп! Не путай божий дар с яичницей, Корсо. Одно

дело — наша прекрасная дружба, другое — хлеб насущный для моих детишек.

— Нет у тебя никаких детишек!

Ла Понте скорчил смешную рожу:

— Подожди! Я еще молодой.

Он был невысок, красив, опрятно одет и знал себе цену. Пригладив ладонью редкие волосы на макушке, он глянул в зеркало над стойкой, чтобы проверить результат. Потом побродил вокруг наметанным глазом: нет ли случайно поблизости представительниц женского пола. Бдительности он не терял нигде и никогда. А еще он имел привычку строить беседу на коротких фразах. Его отец, очень знающий букинист, обучал его писать, диктуя тексты Асорина¹². Теперь уже мало кто помнил, кто такой Асорин, а вот Ла Понте до сих пор старался кроить предложения на его манер — чтобы они получались емкими и логичными, накрепко сцепленными меж собой. И это помогало ему обрести диалектическую устойчивость, когда приходилось уговаривать клиентов, заманив их в комнату за книжной лавкой на улице Майор, где он хранил эротическую классику.

— Кроме того, — продолжил он, возвращаясь к изначальной теме разговора, — у меня с «Арменголом и сыновьями» есть незавершенные дела. И весьма щекотливого свойства. К тому же сулящие верный доход в самые короткие сроки.

— Но со мной-то у тебя тоже есть дела, — вставил Корсо, глядя на него поверх пивной кружки. — И ты — единственный бедный букинист, с которым я работаю. Так что те самые книги продать предстоит именно тебе.

— Ладно. — Ла Понте легко пошел на попятную. — Ты же знаешь, я человек практичный. Прагматик. Приспособленец — низкий и подлый приспособленец.

— Знаю.

— Вообрази себе, что мы с тобой — герои фильма,

вестерна. Так вот, самое большее, на что я согласился бы — даже ради дружбы, — это получить пулю в плечо.

— Да, самое большее, — подтвердил Корсо.

— Но это к делу не относится. — Ла Понте рассеянно покрутил головой по сторонам. — У меня есть покупатель на «Персилеса».

— Тогда ты угощаешь. Закажи мне еще одну канью. В счет твоих комиссионных.

Они были старыми друзьями. Любили пиво с высокой крепкой пеной и джин «Болс», разлитый в морские бутылки из темной глины; но больше всего они любили антикварные книги и аукционы в старом Мадриде. Они познакомились много лет назад, когда Корсо шнырял по книжным лавкам, которые специализировались на испанских авторах, — выполнял заказ одного клиента, пожелавшего заполучить экземпляр-призрак — «Селестину», ту, что, по слухам, успела выйти еще до всем известного издания 1499 года¹³. У Ла Понте этой книги не было, и он о ней даже не слышал. Зато у него имелся «Словарь библиографических редкостей и чудес» Хулио Ольеро, где та «Селестина» упоминалась. Во время беседы о книгах между ними вспыхнула взаимная симпатия. Она заметно укрепилась, после того как Ла Понте повесил на дверь лавки замок и оба они двинули в бар Макаровой, где и начались взаимные излияния: они всласть наговорились о хромолитографиях Мелвилла, ведь юный Ла Понте воспитывался на борту его «Пекода», а не только с помощью пассажей из Асорина. «Зовите меня Измаил»¹⁴, — предложил он, покончив с третьей рюмкой чистого «Болса». И Корсо стал звать его Измаилом, а еще в его честь процитировал по памяти отрывок, где выковыывают гарпун Ахава:

Были сделаны три надреза в языческой плоти, и так был закален гарпун для Белого Кита...